

ВЛАДИМИРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ГИМНАЗИЯ
ГОРОД СВЕТЛОГРАД
ПРОЕКТ «НЕБЕСА»

А. Головченко

Небеса простят мне песни

сценическое действие в полуакте для Автора, Музы и пяти романсов

(к 60-летию поэта И. Рутенина)

2010

На сцене стол, на котором подсвечник, икона, книги, стопками бумага, сбоку фотография Рутенина. На краю стола стоит сковорода.

На сцене рояль, стул, на небольшом журнальном столике старая пишущая машинка.

На авансцене тренога нивелира, по бокам авансцены слева и справа карта России и таблица «Периодическая система Д. И. Менделеева».

Звучит романс «Песня».

На сцену выходит АВТОР со стопкой бумаги в руках, направляется к столику, роняет бумагу – листы разлетаются по сцене.

На сцене появляется НАСТЯ, начинает собирать листы.

АВТОР: Ты приходишь всегда вовремя.

НАСТЯ: Какой ты неловкий.

АВТОР: Побудь со мной, ловкая. Теперь, по прошествии времени, я вдруг понимаю, что память, сохраняя образ, не всегда сохраняет цифры и даты. Что из метрики человеческой остается друзьям и знакомым – дата рождения, дата смерти? Только и всего?

...Мне столько тысяч лет от роду,
Что память слов не сберегла...

С этим, пожалуй, легко, с годами от роду. С идеей сложнее... Иоанн Рутенин... Евгений Ростиславович Золотаревский, Женя Золотаревский, родился...

НАСТЯ: 26 февраля 1950 года в Ставрополе.

АВТОР: Есть такой город на Юге России. Город-тупик. В смысле, в него ведет тупиковая железнодорожная ветка.

НАСТЯ: Женя называл его в шутку Ставрополь (кладет бумагу на стол).

АВТОР: Почему мы всегда уезжаем из родных городов? Или мечтаем уехать? Это, конечно, не одно и то же – уехать или мечтать уехать. Женя, например, не уехал, хотя тоже мечтал ...

НАСТЯ: И еще – он любил вокзалы. Я тебе говорила. Вокзал для него всегда был приглашением к путешествию. А путешествие, как мечта – ожидание, желание, новизна, соблазн и все что угодно!

АВТОР: Знаешь, здесь об идее нужно сказать. Я сейчас свечку зажгу (*зажигает свечу перед иконой, крестится*). Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помяни раба Твоего Евгения...

НАСТЯ: Школу закончил? Номер школы? Помнишь, я тебе говорила...

АВТОР: Не помню. Не важно. После школы устроился работать в геологическую экспедицию разнорабочим. Носил нивелир за бригадиром. Я всегда путал нивелир с кинокамерой. Правда, похоже? Ты смотришь в дырку и видишь мир, который вокруг тебя.

НАСТЯ (*смотрит в прибор*): Видишь его, видишь, только перевернутым. Младенцы, кстати, тоже видят мир перевернутым.

АВТОР: А, может быть, в тот момент, когда мы смотрим, мир действительно незаметно переворачивается?.. Я в смысле об идее хочу... В каком году Женя поступил в Ставропольский пед.?.. Не знаю. Проучился один курс. И вот это уже точно.

НАСТЯ: Точно один курс?

АВТОР: Точно, что один курс: Женя и систематическая учеба – вещи несовместимые. Далее без остановок: в армию не пошел, болезнь глаз, амблиопия, светобоязнь, всю жизнь ходил в солнцезащитных очках (*надевает очки*). Вот вы замечали: глаза за темными стеклами обычно или пугают, отталкивают, или привлекают?

НАСТЯ (*берет его за руки, смотрит в глаза*): Но всегда вызывают интерес.

АВТОР: И об интересе: был женат три раза. Не считая легких увлечений. Как у Шварца... Курил. Что еще?.. Ах, да - умер 3 июня 2007 года. В день Владимирской иконы Божией Матери.

НАСТЯ (*подходит к столу*): В День русских святых... Свеча горит... Ему всегда нравился этот образ – горящей свечи.

АВТОР:

... Ты дни мои все знаешь поименно,

А я пою коленопреклонённо,
Пока свеча моя передрожит...

НАСТЯ: А вот это помнишь?

... Не палящий, не палимый,
Словно новый мир в луче,
Свет вместился невместимый
В самой маленькой свече...

АВТОР: Это про тебя. Слишком он тебя любил (*садится за машинку, вставляет лист бумаги*). Продиктуй, пожалуйста. Ты ведь любишь диктовать.

НАСТЯ (*берет со стола лист бумаги*): Отсюда? «...5 июня 2007 года прошла поминальная служба за упокой раба Божьего Евгения в одной из грустных православных часовен...» (*Автор печатает*).

АВТОР: Грустная часовня. Словно часовни бывают веселые... А Женя скорее всего улыбнулся бы: «Почему бы и нет...». Эта единственная заметка о его смерти опубликована в интернет-издании «45-я параллель». Так. Я тут карту приготовил, давай посмотрим.

НАСТЯ (*подходит к карте*): Ставрополь стоит на 45-й параллели.

АВТОР: Дальше...

НАСТЯ: Город по параллели равноудален от двух морей – Черного и Каспийского. В нем, кстати, и улица есть с таким же названием.

АВТОР: Подожди. Я помню адрес: ул. Доваторцев 71/1, квартира 126. Упирается в улицу 45-я Параллель. Это его адрес. Как ты, память, услужлива (*снова садится за машинку, печатает*)... Продолжай.

НАСТЯ (*читает*): «... Домом сказочника оказалась истрёпанная временем девятиэтажка с покрытыми паутиной окнами лестничных площадок. В малюсенькой квартирке с минимумом мебели, кроме самого хозяина, взгляд притягивала печатная машинка, водружённая на ворох рукописей...».

АВТОР: Я тоже помню: однокомнатная квартира на 5 этаже. Женя живет с отцом и матерью. Это уже после развода. Спит на кухне на раскладушке. Все прокурено. На столе на сковородке жареная картошка. Ты должна помнить.

НАСТЯ (*открывает сковородку, пробует картошку*): Обычная жареная картошка. Только без лука.

АВТОР: Он не любил лук.

НАСТЯ: Окна на кухне и в комнате мутные, давно не мытые. Свет через них еле пробивается. От этого во всей квартире всегда сумрачно и грустно. Особенно осенью грустно. Когда небо в низких облаках, идет дождь. Холодный, осенний (*подходит к роялю, нажимает на клавишу*). Помнишь, ты написал это на его стихи в тот год, когда осень была особенно печальной.

Звучит романс «Колыбельная».

НАСТЯ: А что такое Дом сказочника?

АВТОР: Он таким потом стал, этот дом. «Златокудрый инок», «Рыбак и жемчужина»...

НАСТЯ (*открывает книгу на столе, листает, читает вслух отрывок*): Послушайте, дети православные, еще сказочку. Один юноша-сирота мирской жизнью жил:

АВТОР:

Кубок полуведерный в три глотка он пил,
Да в боях кулачных мужичков он бил.
Любил и под гармонику повеселиться.
Да вот надумал он как-то жениться.

НАСТЯ: Поехал он свататься в соседнее село.

АВТОР: А ему родители невесты его: - У нас, - говорят, - сажи и в печке полно. Вот выгребем сажу – и тебя заодно.

НАСТЯ: И дали ему от ворот поворот (*смеется*)... Я всегда злилась, когда он писал – он так трудно писал такие простые вещи.

АВТОР: А мне, впрочем, никогда не нравилась его проза – сказочная ли, реалистичная ли...

НАСТЯ: А про тебя никому и неинтересно... Ты об идее давай.

АВТОР: Да, об идее. Нормальная такая идея, большая. Как раз для такого поэта, как он. Женя, знаете, считал, что его стихи материализуются.

НАСТЯ: Нет, не точно – Женя считал, что открыл новый язык.

АВТОР: Да. Символика – он его так называл. Язык Бога. К лингвистике это, собственно, не имело никакого отношения. Женя был уверен, что Бог создал мир как стихотворение. Это его очень занимало тогда.

НАСТЯ: И тот, кто поймет этот божественный язык, может *со-творить* Богу. Ни много, ни мало.

АВТОР: Тот, кто поймет (*закуривает*)! Ну, так вот, это с первого раза все так здорово и понятно. Только договориться сразу нужно, что поэт имеет право на все. Свое особенное право. Чуть не добавил «божественное». Или тут ошибка?..

НАСТЯ: Или нет?

АВТОР: Ведь как удержаться в этом желании быть равным Богу? Помнится, многие желали... А может быть, и нужно желать?.. Если стремиться, так к Богу, если любить, так Русь. И не меньше!

... Нет, ты не Сфинкс, о Русь моя! Жена!

НАСТЯ: Это Блок?

АВТОР: Ты ведь знаешь, что это не Блок. Это Женя. Иоанн Рутенин.

НАСТЯ: Знаю. Кстати, откуда такой псевдоним?

АВТОР: Посмотри Периодическую систему элементов Менделеева,

НАСТЯ (смотрит таблицу): А ты хорошо подготовился. Таблиц тут навесил, карт...

АВТОР: Атомный номер 44.

НАСТЯ: Вот, номер 44 – Рутений.

АВТОР: Ruthenia — латинское название Руси.

НАСТЯ: Значит, Иоанн Русский?

АВТОР: А теперь, в связи с Блоком, Русью, женой и сфинксом:

А белизна действительно свята.
И сфинкство от Эдипа не сокрыто.

НАСТЯ:

И он разгадку белого листа
Лелеет каждой буквой алфавита... Как возвышено!

АВТОР: Кстати, про Блока и Любовь Дмитриевну Менделееву я ему рассказал. Он ничего такого не знал. Трудно поверить, да? Ну, это если кто не встречался с поэтами. Поэту ведь чужое творчество малоинтересно.

НАСТЯ: Особенно, если поэт состоявшийся.

АВТОР: А к тому времени Женя был состоявшийся поэт. 81-й год. Ему 31. Арсений Тарковский его стихи в тетрадку переписывает. Нет, вру.

НАСТЯ: Конечно, врешь!

АВТОР: Жена Тарковского, Татьяна Алексеевна, переписывала. Женя всегда приезжал из Москвы возбужденный после встречи с Тарковским. В разговоре называл его Таркач, Старик...

НАСТЯ: Это я тебе рассказывала... А можно, я это стихотворенье прочитаю, которое Татьяна Алексеевна переписала?

АВТОР: Валяй.

НАСТЯ: Тогда стул отдай (*Настя становится на стул*):

МАЛЬЧИШКА

Когда добрезжит хилая лучина,
Опередив последнюю звезду,
Я складываю ножик перочинный
И в свой карман залатанный кладу.

За пазухой – стихов неспетых книжка,
И мой черед как будто не настал,
И я пойду, болезненный мальчишка,
Слоняться на базар и на вокзал.

Я нищ. Босой, в отцовской старой кепке...

И вы подумать даже не могли,
 Что это я вам выстругал из щепки
 Космические ваши корабли!

АВТОР (*задумчиво, через паузу*): Ты так редко приходишь. Я по тебе скучаю.
 Я стал тебя забывать.

НАСТЯ (*спрыгивает со стула*): Опять врешь. Когда ты хочешь что-то
 сказать или вспомнить – я всегда с тобой. Не надо только лениться.

АВТОР: Лениться... Разве ты дашь!

НАСТЯ: Ладно, ты что-то вспоминал...

АВТОР: Это в 83-м году случилось, в мае, по-моему.

НАСТЯ: В конце мая 83-го года, частный случай, иллюстрация к твоей идее.

АВТОР: Да. Иллюстрация. Какая-то ссора с женой. Скандал семейный, хотя
 они были тогда уже разведены...

НАСТЯ: Очень хочется заглянуть в нивелир!..

АВТОР: Бывшие муж и жена, живущие в одной квартире – очень русская
 история. Он ее в раздражении толкнул, кажется. Она пошла в
 судмедэкспертизу, синяк на бедре...

НАСТЯ: Безумно хочется заглянуть в нивелир!..

АВТОР: Загляни и не перебивай. Ему дали два с половиной года. 206-я, часть
 вторая, хулиганство, нарушение общественного порядка. В своей квартире.
 Без свидетелей. Очень русская история. Очень русская Голгофа.

НАСТЯ: Очень русская песня.

*Автор подходит к Насте сзади, нежно обнимает ее, звучит романс «Небеса
 простят мне песни».*

НАСТЯ: «...5 июня 2007 года прошла поминальная служба...», «... Я понял
 многое. Священство преизбытка так тяготило мысли о земном...» Ты тогда
 написал этот вокальный цикл... как он называется?

АВТОР: «Талифа куми». Означает «Девица, встань».

НАСТЯ: Я помню – этими словами Христос воскресил умершую девочку... Женя их всегда обращал к России... Помнишь, в 83-м году вы записывали этот цикл в Ставропольской филармонии?

АВТОР: Мы заперлись в зале. На сцене стоял рояль. Как сейчас.

Настя спускается с авансцены, садится в первый ряд.

НАСТЯ: А я?

АВТОР: Ты тогда также сидела в первом ряду. Я тебя отлично видел из правой кулисы.

Звучит романс «Бах».

НАСТЯ (*возвращается на сцену*): Знаешь, давай я лучше стихи почитаю. Мы ведь о поэте говорим:

Псалмы о счастье напевая,
Течет в сплетениях травы
Вода живая ключевая
Со светом ключевым живым.

Чтобы за каждым поворотом
Приобрести дары чудес,
И голубым водоворотом
Ворваться снова в прежний лес,

И каждой блестящей перелива
Пленить все домыслы ума,
Чтоб сердца твоего ревниво
Коснулась истина сама:

Ручей кристальный без названья
Так чист среди елей и берез,
Как будто крестные страданья
За поворотом перенес!

АВТОР: Я однажды, мне было тогда 16, ты помнишь, спросил у него прямо, есть ли Бог. Он засмеялся. Не промолчал. Засмеялся.

НАСТЯ:

Из всех внутриземелий и межнебий
Ты – мой Удел, мой Ангел и мой Жребий,
Что выпал кровью всех альтернатив,
И, пощаженный Истиной когда-то,..

АВТОР:

Он выпорхнул из мокрых рук Пилата
И потому, наверное, я жив...

Настя подбегает к машинке, вырывает из нее лист бумаги, сминает его в мяч, бросает Автору.

НАСТЯ:

Печальный творец, ощущая себя как творенье,..

АВТОР (*ловит мяч, бросает его Насте, и т.д.*):

Вокруг полюсов по своим же блуждает следам:

НАСТЯ:

- О Боже! Неужто к подошвам прилипло то бренье,..

АВТОР:

Что правнук мой дальний приложит к ослепшим глазам?..

НАСТЯ:

Ничтожная даль! Меж Огнем и Водой твой Философ!
Но кто перечтет и исчислит мой солнечный знак,..

АВТОР:

Уж если на все, искривленное в виде вопросов,
Бросаются мамонты стаей бродячих собак...

(бросается к Насте, шутливо обнимает ее) Помнишь: и тот, кто поймет этот божественный язык, может *со-творить* Богу. А творчество правдивее всего на Кресте.

НАСТЯ: Это и есть твоя идея?

АВТОР: Послушай, все ведь очень просто - Божественное право, право, принадлежащее распятому Богу - единственное право на жизнь, завоеванное смертью.

НАСТЯ: Ты ведь хочешь, чтобы я напонила? «...5 июня 2007 года прошла поминальная служба за упокой раба Божьего Евгения в одной из грустных православных часовен...».

АВТОР: Грустная часовня...

НАСТЯ: Словно часовни бывают веселые...

АВТОР: Помнишь – «Талифа куми»? Девица, встань, воскресни. Что из метрики человеческой остается друзьям и знакомым – дата рождения, дата смерти?

НАСТЯ: Или дата бессмертия?..

АВТОР: А Женя, поэт Иоанн Рутенин, скорее всего улыбнулся бы: «Почему бы и нет...»

Автор вставляет новый лист бумаги в машинку, печатает.

Звучит романс «Талифа куми».

Настя подходит к нему, обнимает его за плечи, заглядывает в лист, они о чем-то говорят тихо, смеются.

КОНЕЦ